

Глава 10. Господин Герцог

За окном угасли последние отблески заката. Тьма окончательно поглотила поместье.

В холле воцарилась гнетущая тишина. Голос Тао звучал до пугающего отчетливо, не оставляя Чжун Мину ни малейшего шанса притвориться, будто он чего-то не расслышал. Никто не решился оспорить выбранный способ наказания. Мэтью лишь слегка нахмурился, бросая взгляд на суровый, застывший профиль Госпожи Мэри, но в итоге так и не проронил ни слова.

— Ну же? Выбирай скорее, — Тао с издевкой поигрывал линейкой, мерно похлопывая ею по ладони. Его насмешливый взгляд впился в Чжун Мина. — Или всё еще ждешь спасения? Ни Мэтью, ни Госпожа не станут покрывать такого воришку.

Чжун Мин вскинул голову. Он плотно сжал губы, и на его обычно бесстрастном лице на мгновение промелькнула вспышка гнева.

Мужчина не упустил эту мимолетную эмоцию. Он торжествующе ухмыльнулся, отчего темная родинка на его подбородке едва заметно дрогнула. Впрочем, ярость Чжун Мина угасла так же быстро, как и появилась. Отводя глаза, он посмотрел на Альберта, стоявшего подле Мэри. Мальчик низко склонил голову, а его правая рука была сжата в кулак.

Стало ясно: заступаться за него никто не станет.

Юноша опустил веки, возвращая лицу маску безразличия, и медленно вытянул руки вперед.

Заметив это движение, Тао прищурился. Где-то в глубине души он надеялся, что новый слуга выберет икры — ему хотелось увидеть, как тот закатает штанины, обнажая белую кожу.

Но и ладони сойдут. Его взгляд замер на раскрытых руках юноши: пальцы были тонкими и изящными, кожа на ладонях — мягкой и нежной. Было очевидно, что этот человек никогда не знал тяжелого труда. На этом безупречном фоне крошечная ранка от розового шипа на кончике пальца казалась неуместным изъяном.

«Словно чистый холст»

Тао прищурился, и в следующую секунду тишину прорезал свист. С резким хлопком линейка опустилась на ладонь Чжун Мина. От боли юноша глухо вскрикнул и невольно попытался сжать кулаки.

— Держи руки ровно, — ледяным тоном бросил Тао. Улыбка исчезла с его лица, а глаза за линзами очков сверкнули непривычной жестокостью. — Дернешься еще раз — добавлю десять ударов.

Чжун Мин судорожно вдохнул и снова раскрыл ладони. Тут же последовал второй удар.

— Хлоп!

Линейка была плоской, и Тао бил не в полную силу, но кожа юноши оказалась слишком чувствительной: места ударов мгновенно припухли, и на бледной коже проступили пересекающиеся багровые полосы. Этот резкий контраст делал следы наказания пугающе отчетливыми.

Мэтью, глядя на эти раны, вздрогнул. Когда Тао снова замахнулся, он с силой зажмурился и на мгновение окаменел, не в силах смотреть на экзекуцию.

Заметив его реакцию, Тао про себя усмехнулся и вновь высоко поднял руку. Однако в этот миг раздался спокойный женский голос:

— Погодите.

Мужчина замер и обернулся на звук. На повороте лестницы второго этажа стоял молодой золотоволосый мужчина, бесстрастно взиравший на них сверху вниз. Госпожа Мэри тоже подняла голову. Увидев гостя, она на секунду замешкалась, а затем с недоумением спросила:

— Господин Джоан, что-то случилось?

Это был домашний учитель, Джоан. Он скользнул взглядом по лицу Чжун Мина, а затем равнодушно перевел взор на экономку:

— Господин Герцог передал, что немного проголодался. Он спрашивает, не могли бы вы подать десерт чуть раньше обычного.

Мэри на мгновение опешила. Подобные просьбы в этом доме звучали крайне редко. Впрочем, она быстро взяла себя в руки:

— Разумеется. Я сейчас же всё подготовлю.

Она бросила короткий взгляд на Тао, намереваясь уйти. Но Джоан заговорила снова:

— Еще Господин Герцог изъявил желание видеть нового слугу.

Движение Мэри оборвалось на полуслове. Тао резко нахмурился. Мэтью же широко раскрыл глаза и в изумлении уставился на Чжун Мина. Сам же юноша, оказавшийся в центре внимания, медленно поднял голову. В его глазах читалась полная растерянность.

«Герцог? Кто это?»

Тао с такой силой сжал линейку, что костяшки пальцев побелели:

— Что? Но это же против правил...

— Молчать! — на этот раз Мэри пресекла его возражения резким окриком.

В этом доме приказы Господина Герцога были высшим законом. Она глубоко вдохнула, поправила выражение лица и сухо бросила:

— Я поняла.

Повернувшись к Чжун Мину, она макнула рукой:

— Иди сюда.

Юноша помедлил, бросил взгляд на скрежещущего зубами Тао и, миновав его, приблизился к экономке. В серо-голубых глазах Мэри не отразилось ни единой эмоции. Она мельком взглянула на лицо юноши, а затем осторожно взяла его за правую руку. Две опухшие красные полосы на ладони не укрылись от её взора.

Мэтью, стоявший за спиной экономки, тоже увидел эти раны, и его брови судорожно дернулись.

В этот момент Чжун Мин медленно поднял лицо. Его глаза слегка покраснели, когда он бросил быстрый взгляд на Мэтью через плечо Госпожи Мэри.

Экономка не заметила мгновенного оцепенения подчиненного. Убедившись, что юноша понес кару за свою «ошибку», она вновь смягчилась. Подобно заботливой матери, она протянула руку и нежно коснулась его лба, на котором выступила испарина.

— Похоже, ты усвоил урок, — проговорила она мягким тоном. Затем Мэри подняла небольшой металлический крестик и, прикрыв глаза с глубоким благоговением, произнесла: — Повторяй за мной: «Всевышний Господь, молю, прости мою грешную душу».

Чжун Мин посмотрел на неё, находя её поведение изрядно эксцентричным.

«Она явно не в себе»

Но он всё же послушно склонил голову:

— Господи, молю, прости меня.

Его голос звучал кротко, а полуприкрытые глаза придавали ему вид глубочайшего смирения. Удовлетворенная, Мэри кивнула и, отпустив его руку, развернулась:

— Следуй за мной.

Чжун Мин молча пошел следом, оставив позади людей с их невысказанными чувствами. Мэтью, не отрывая взгляда от его спины, сделал было шаг вперед, но в последний момент так и не решился заговорить.

***

Чжун Мин следовал за Госпожой Мэри до самой кухни. Экономка подошла к шкафу, достала массивный поднос и всучила его юноше. Тот оказался неожиданно тяжелым; раны на ладонях отозвались острой болью, и руки юноши невольно дрогнули.

«Тяжелый какой!»

Он невольно поморщился, закусив губу, чтобы сдержать стон. Госпожа Мэри не заметила его состояния, она была занята делом: с сухим стуком поставила на поднос чашку с ароматным чаем.

— Я представлю тебя Господину Герцогу, — продолжала она, открывая духовку, откуда полыхнуло сладким ароматом свежей выпечки. — Пока я не позволю, не смей раскрывать рта.

На поднос легла тарелка с шоколадным печеньем. Мэри решительно направилась к выходу. Чжун Мин, стараясь не расплескать чай, последовал за ней. Фарфоровый поднос был украшен изящной золотой росписью в виде розовых ветвей. Чашка и блюдце составляли с ним единый ансамбль.

Янтарная жидкость в чашке едва заметно колыхалась в такт шагам, наполняя воздух густым ароматом. Они поднялись на четвертый этаж и остановились перед единственной дверью в самом конце пустого коридора.

Чжун Мин поднял взгляд на массивные створки. Дверь из темного, почти черного дерева была покрыта искусной резьбой: переплетающиеся розы и тернистые лозы, казалось, душили друг друга в тесных объятиях.

— Запомни, — голос Мэри заставил его вздрогнуть. Она смотрела прямо перед собой, высоко вскинув подбородок. — Что бы ни случилось, не смей смотреть Господину Герцогу в лицо.

Юноша замер. От этих слов по его спине пробежал странный холодок.

Мэри трижды коснулась двери. Звук ударов эхом разнесся по пустому коридору, и когда последние отголоски затихли, изнутри донеслось:

— Войдите.

Чжун Мин невольно вздрогнул. Голос, прозвучавший из-за двери, показался ему крайне странным. Ему потребовалось время, чтобы понять, что именно его так поразило: этот голос был абсолютно лишен индивидуальности. Обычно по тембру можно определить пол или возраст, но этот звук казался намеренно стертým и пугающе обыденным.

Пока он пребывал в оцепенении, Мэри толкнула тяжелую створку. Чжун Мин невольно затаил дыхание. Перед ними открылась комната невероятных размеров. На противоположной стене зияло огромное окно, чьи белые занавески мерно колыхались под порывами ночного ветра. За стеклом чернел густой лес.

Сухие ветви деревьев, застывшие на фоне полной луны, напоминали костлявые руки призраков. Вдоль стен выстроились книжные шкафы, уходившие под самый потолок. Они были плотно забиты массивными томами, из-за чего кабинет больше походил на библиотеку.

В самом центре, прямо под лунным светом, стоял величественный письменный стол. За ним, спиной к вошедшим, сидел человек. Чжун Мин видел лишь высокую спинку кресла, обитую красным бархатом.

Мэри первой ступила на ковер, и её шаги утонули в густом ворсе. Чжун Мин следовал за ней. Потолки здесь были так высоки, что кабинет казался залом древнего дворца. Они остановились в нескольких шагах от стола.

Приблизившись, юноша заметил, что бархатная спинка кресла расшита узором из роз. Из-за края показалась широкая бледная рука; она покоилась на темном подлокотнике. На большом пальце поблескивал перстень с изумрудом, чей зеленый свет мерцал в лучах луны. Юноша узнал этот перстень — точно такой же был на портрете.

— Добрый вечер, Господин Герцог, — заговорила Мэри. Она грациозно склонилась в глубоком поклоне. — Как вы почивали сегодня?

— Весьма недурно, — донесся голос из-за кресла. В нем не чувствовалось ни капли эмоций. — А как ваши дела, Госпожа?

Чжун Мин поднял взгляд и с удивлением заметил, как смягчились черты лица экономки. В её серых глазах вспыхнул почти материнский свет:

— Прекрасно.

Выпрямившись, она добавила:

— Однако я должна доложить об одном происшествии. Из-за моей недосмотрительности новый слуга самовольно сорвал цветы в розарии для молодого господина.

Она бросила на Чжун Мина многозначительный взгляд. Юноша тут же склонился:

— Прошу прощения, Господин Герцог.

— Я уже наказала его, — продолжала Мэри. — Обещаю вам, подобного больше не повторится.

В комнате воцарилась тишина. Чжун Мин замер в поклоне.

— Ничего страшного, — негромко прозвучало в ответ. — Если ему нужны цветы, пусть берет.

Мэри мгновенно нахмурилась:

— Простите мою дерзость, Господин Герцог, но так вы окончательно испортите мальчика. Те розы...

В её голосе слышались резкие нотки. Но в следующий миг пальцы человека в кресле едва заметно дрогнули, и он коротко постучал костяшками по подлокотнику. Звук был негромким, но Мэри тут же умолкла. Она отступила на полшага и покорно склонила голову. Чжун Мин вздрогнул — он никогда не видел экономку столь смиренной.

Мэри сменила тему так естественно, будто никакой перепалки и не было:

— Сегодня к десерту подан чай «Эрл Грей» и клюквенное печенье.

Она вновь взглянула на Чжун Мина. Это был знак: пора подавать.

Руки юноши, и без того израненные, ныли от тяжелого подноса. С трудом подавляя дрожь, он выпрямился, невольно втянув воздух от резкой боли в пояснице, и направился к столу.

«Всего несколько шагов, нужно просто потерпеть»

Однако, когда до стола оставалось всего два шага, под его ногой внезапно вздулся ворс ковра. Чжун Мин пошатнулся и в то же мгновение потерял равновесие.

— Грохот!

— Звон!

Фарфоровая чашка покатила по полу, и теплое чайное пятно расплылось на ковре. Печенье разломилось надвое, рассыпая ягоды клюквы. В комнате повисла мертвая тишина.

Чжун Мин замер на коленях, с ужасом глядя на учиненный разгром. В следующую секунду он ощутил щекой тепло. Медленно повернув голову, он увидел перед собой дорогую ткань мужских брюк.

Дыхание юноши перехватило. Он упал прямо на колени Господина Герцога.

<http://bllate.org/book/15849/1433656>